

сания. В них больше подразумевается, чем вводится в изложение. Когда Аввакум пишет, например, что на горах у Ангары «гуляют звери многие дикие: козы и олени, и [и] зубри, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие, — во очию нашу; а взять нельзя»,⁴ то прежде всего подразумевается одновременность существования всех зверей в одном месте. За каждым элементом перечня — в данном случае за каждым зверем — предполагается какой-то «минимум» пространства, довольно большой, так как Аввакум описывает не Ноев ковчег, переполненный животными, а мир, свободно ими населенный. Части ландшафта состояются из пространственных единиц. Чем больше перечень, тем шире кажется пространство.⁵

Пространственный эффект перечней замечается в Житии и в описаниях интерьера, если даже говорится о совершенно темной «полатке», вкопанной в землю, куда бросили Аввакума. Достаточно Аввакуму сказать, что никто к нему не приходил, «только мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно»,⁶ и уже можно представить пол и стены темницы и узника в ней.

Природу Аввакум представляет обозреваемой как бы с вершины некоего конуса. Объем подобного конуса может увеличиваться почти до бесконечности, и в этом одна из особенностей Аввакума. Ощущение высоты конуса создается наложением в описании ландшафтных групп разного пространственного уровня — от рыб в озере и комаров над болотом до птиц, парящих над горами. В самой вершине конуса находится, разумеется, бог. Недаром все пейзажи Аввакума заканчиваются напоминаниями о боге, «призирающем» сверху на мир.⁷ Основание конуса, т. е. поверхность обозреваемого мира, расширяется тоже почти беспредельно, так как Аввакум постоянно напоминает, что представленная картина является только частью тех 20 тысяч верст, которые он «волочился», лишь частью земли вообще, только частью всей «бездны» мира. Каждое описание природы служит поводом к генерализации и заключается выводом — всегда с обобщающим словом «все» — о всей природе в целом: «А все то у Христа-тово-света наделано для человеков...», «Вся бо та увиди и настрой благий божия нас ради человек...» и т. п. Аввакум словно ясно видит перед собой ту или иную местность, но «боковым зрением» охватывает всю природу.⁸

Впечатление громадности пространства поддерживается еще тем, что в сибирские пейзажи Аввакума вписан человек. Фигурка его кажется очень маленькой. Окружающие его детали ландшафта, даже самые мелкие, предстают увеличенными: луковицы растений необычно большие, рыбы невиданно крупные, лед чрезвычайно толстый и т. д. Человек ставится рядом с колоссальным каменным утесом или великой горой льда. Он находится как бы в середине громадного пространства, иногда под сияющим звездами небом, и сравнивается с червем, с угасающей искрой... В сибирских пейзажах два Аввакума: один — крупным планом, рядом

⁴ Памятники..., стлб. 22.

⁵ Нельзя ли провести параллель между пространственной функцией системы перечней в литературе и ролью системы планов, кулис в изобразительном искусстве XVI—XVII вв.?

⁶ Памятники..., стлб. 16.

⁷ Ср. изображение бога и ангелов в верхнем углу икон и миниатюр, особенно распространявшееся в XVII в.

⁸ Памятники..., стлб. 22; Житие протопопа Аввакума, стр. 272. Ср. «установку на всеохват» в изображении природы на фресках и иконах XVII в., когда художник «хочет показать сразу все». — См.: Б. В. Михайловский, Б. И. Пуришев. Очерки истории древнерусской монументальной живописи со второй половины XIV до начала XVIII в. М.—Л., 1941, стр. 120.